

К 75-летию опубликования статьи В. И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции»

24 СЕНТЯБРЯ 1908 года в газете «Пролетарий» появилась первая статья В. И. Ленина о Л. Н. Толстом — «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Газета редактировалась Лениным и фактически была центральным органом большевиков. В номере статья напечатана без подписи — как редакционная передовая.

Написанная по поводу 80-летия Л. Н. Толстого, статья содержит не только гениальную оценку творчества великого писателя, его противоречий, но и глубочайший анализ первой русской революции, ее силы и слабости, исторической неизбежности и горьких уроков поражения.

Казенному и либеральному лицемерию легальной прессы

творчестве Толстого, начиная с рассказа «Люцерн» (1857); педагогических статей 60-х годов до самых последних его сочинений. Не приемля революционных теорий преобразования мира, критикуя материалистическое учение К. Маркса, он в статье 1900 года «Рабство нашего времени» сочувственно цитирует первый том «Капитала»: «Сельское население сначала насильственно обезземеливали, говорит К. Маркс, изгоняли и доводили до бродяжничества, а затем, в силу жестоких законов, его пытали, клеймили каленым железом; наказывали плетью, с целью подчинить требованиям наемного труда».

Толстой протестует против этого насильственного обезземеливания крестьянства, вообще против частной собственности

го оптимизма, который оправдался в ходе исторического развития России: «Под молотом столыпинских уроков, при неуклонной, выдержанной агитации революционных социал-демократов, не только социалистический пролетариат, но и демократические массы крестьянства будут неизбежно выдвигать все более закаленных борцов, все менее способных впадать в наш исторический грех толстовщины».

В начале 1911 года в заключительной статье о Толстом — «Л. Н. Толстой и его эпоха» — Ленин, опираясь на новые исторические события, уверенно скажет: «1905 год был началом конца «восточной» неподвижности. Именно поэтому этот год принес с собой исторический конец толстовщине...».

Самое поразительное заключается в том, что идейная и творческая эволюция самого Толстого в последние годы внутренне соответствует этому историческому движению.

Большинство своих произведений 1907—1910 годов Толстой посвящает самой злободневной теме русской жизни: народ осознал угнетенное положение, готов открыто протестовать против угнетения; люди из

ВЫСОКАЯ ПРАВДА

противопоставлена высокая и суровая правда о Толстом. И потому в оценках сочетаются: «гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы», — и «помещик, юродствующий во Христе».

Противоречия в мировоззрении Толстого, сила его реализма, беспощадной критики существующего строя и наивность его «рецептов спасения человечества» были видны многим современникам. Например, его младшим братьям по перу — Чехову, М. Горькому. И таким публицистам, как Г. Плеханов. Но только Ленин поставил эти противоречия в связь с характером русской революции, с настроениями патриархального крестьянства: «Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенность нашей революции, как *крестьянской буржуазной революции*».

Уже после смерти Ленина, в 1929 году, в сборнике «Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. 1878—1906» было опубликовано письмо Толстого к Стасову, относящееся к 1905 году. Здесь сам Толстой определяет свое отношение к революции. Его слова подтверждают пронизательность и справедливость ленинской оценки: «Я во всей этой революции состою в звании, добро и самовольно принятом на себя, адвоката 100-миллионного земледельческого народа. Все, что содействует или может содействовать его благу, я сорадоюсь, всему тому, что не имеет этой главной цели и отелекает от нее, я не сочувствую».

Статья «Лев Толстой, как зеркало русской революции» стала компасом, единственным надежным ориентиром в историческом точном истолковании Л. Толстого. Смысл ее настолько глубок и значителен, что можно было бы анализировать подробно каждую фразу. Но остановимся на нескольких моментах.

Обозначив в лаконичных формулировках противоречия во взглядах Толстого, Ленин пишет, что их «надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней».

Резкая критика капитализма, власти денег, буржуазного общества жизни мощно звучит в

«Лев Толстой, как зеркало русской революции»
Составление текста великого художника
из революций; толстой он был не только, но
и толстой он был откровенно, и толстой он
был на первом этапе революции и на втором.
Именно. Не забудем же, что Толстой, то
очевидно он отражает великие изменения?

Первая страница рукописи статьи В. И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции» (фрагмент). 1908 г.

на землю, против всех неисчислимых бедствий, порожденных капитализмом: городской нищеты, власти «господина Купона», чудовищной эксплуатации наемных рабочих, бесправия человека труда, колониальных войн, безумных трат на вооружение. Он не хочет, чтобы Россия повторила европейское буржуазное развитие, и уверен, что русский народ найдет свой путь.

Здесь открываются противоречия, точно обозначенные в статье Ленина.

Толстой полагал, что Россия может остаться патриархально-крестьянской страной, в которой мелкие сельские труженики свободно владели бы землей. Утопичность этой программы обнаружила сама история: в России уже развивался капитализм, и никакие проклятия не могли приостановить ход истории.

С другой стороны, Толстой оказался прав, когда в статье 1905 года «великое историческое призвание» русского народа увидел в том, что он «укажет другим народам путь разумной, свободной и счастливой жизни вне промышленного, фабричного, капиталистического насилия и рабства».

Слова звучат как пророчество.

«Исторический грех толстовщины» — так именует Ленин в конце статьи заблуждения Льва Толстого и всего русского крестьянства с его «незрелостью мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости». И указывает, что «толстовское неприятие зла» было «серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании».

Но «разбитые армии хорошо учатся». Заключительные строки статьи полны революционно-

народа все шире вовлекаются в революционное движение. Продолжая и в эти годы обличать эксплуататорский строй самодержавной России, принявший особенно жестокие формы в условиях столыпинского режима, Толстой показывает, что бедность, унижение, забота о народе достигли крайнего предела и, вопреки своему принципу отрицания всякого насилия, приходится к выводу, что «простительны» действия революционеров. Нездолго до ухода из Ясной Поляны он записывает в дневнике: «Революция сделала в нашем русском народе то, что он вдруг увидел несправедливость своего положения. Это — сказка о царя в новом платье. Ребенок, который сказал то, что есть, что царь голый, была революция».

Как и раньше, Толстой не приемлет революционный путь избавления от зол существующего общественного устройства. Непротивление злу насилием и нравственное самоусовершенствование и теперь, после революционных событий 1905—1907 годов, он пытается утвердить как «единственное средство» спасения от всех социальных бедствий.

Его всемирное значение как художника и всемирная известность как мыслителя и проповедника, отразившие, по словам Ленина, «мировое значение русской революции», привели к тому, что весь мир чутко ловил каждое слово, идущее из Ясной Поляны.

Могучий голос Толстого, обличающий социальную несправедливость, нравственную низость, казни, захватнические войны, заступающийся за трудящийся народ всего мира, — звучит и сегодня.

Л. ОПУЛЬСКАЯ,
доктор филологических наук